

питанія, но ихъ соединило, съ одной стороны, общее губернаторство, съ другой—общая обида. Чернобрововъ, Краснощековъ, и Покатиловъ были настоящіе столбовые, имѣли приличныя и благосклонныя манеры, хранили преданія дворянской изнѣженности и любили пофрондировать. Въ древности, такихъ губернаторовъ цѣнили и называли „хозяевами“. Въ частности, Чернобрововъ славился открытою фізіономіей, съ помощью которой такъ искусно управлялъ вѣтреннымъ краемъ, что только черезъ двадцать лѣтъ понадобилось отправить туда сенаторскую ревизію. Краснощековъ славился пылкостью. Наскочить совсѣмъ не на того исправника, на котораго нужно, обругаетъ, но какъ рыцарь, первый сознаетъ свою ошибку и скажетъ: ну—ну, ничего! впередъ пригодится! Покатиловъ—былъ умница, и рапорты его приводили сенатъ въ восхищеніе (одинъ изъ мѣстныхъ садоводовъ даже одну разновидность георгины, въ честь Покатилова, назвалъ „Утѣшеніе сената“). Такъ что, когда ихъ, въ ту пору разомъ, въ числѣ двадцати генераловъ, обидѣли, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ объясниться: за что?—то ему только одно слово сказали въ отвѣтъ: „такъ“. Съ этимъ онъ и отъѣхалъ.

Всѣ трое были женаты на родныхъ сестрахъ: Прасковѣ Ивановнѣ, Лукерѣ Ивановнѣ и Людмилѣ Ивановнѣ, вслѣдствіе чего, въ домашнемъ обиходѣ, и губерніи, которыми управляли ихъ мужья, назывались ихъ именами: Парашина, Лупшина и Милочкина.

Гвоздиловъ былъ происхожденія темнаго, характеръ имѣлъ угрюмый и вступалъ въ собесѣдованіе урывками, какъ будто зналъ за собой какое-то необыкновенно постыдное дѣло и боялся проговориться. Былъ слухъ, будто онъ, въ свое время, съ откупщикомъ повздорилъ. Онъ утверждалъ, что откупщикъ ему, въ числѣ прочихъ, фальшивую десятирублевую бумажку всучилъ, и требовалъ, чтобъ ему дали другую, настоящую, а старую, яко негодную, тоже бы у него оставили; а откупщикъ говорилъ, что отдалъ все по чести какъ слѣдуетъ, а самъ-де губернаторъ свою собственную фальшивую бумажку всучить ему хочетъ. Вспыхнула война. Гвоздиловъ нагрянулъ на откупщиковъ подвалъ, а откупщикъ въ Петербургъ уѣхалъ, пошепталъ-пошепталъ, и, черезъ мѣсяцъ—Гвоздилова обидѣли. Въ древности, о такихъ губернаторахъ говорили: у насъ губернаторъ—и на губернатора-то не похожъ. Пучеглазовъ и Фроль Терентьичъ Балаболкинъ были выслужившіеся кантоницы Аракчеевской школы, которые, вмѣсто носковъ, носили онучи, а деньги прятали за голенище; подъ старость, изъ всего губернаторскаго прошлаго они помнили только одну фразу: направляй кишку въ огонь! направляй! Въ